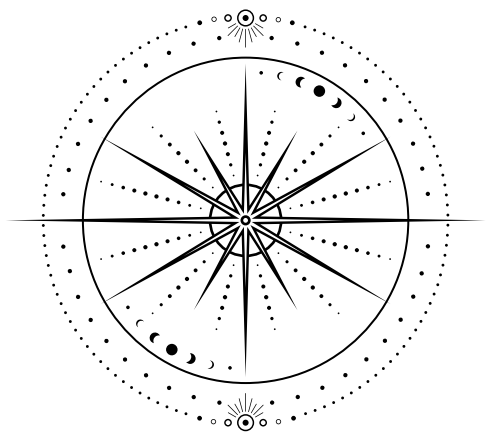

ЛОРА МЭЙЛИН УОЛТЕР

Созвездия тел

INSPIRIA

МОСКВА
2022

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
У63

Laura Maylene Walter
BODY OF STARS

Copyright © 2021 by Laura Maylene Walter

All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Dutton, an imprint of
Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Уолтер, Лора Мэйлин.

У63 Созвездия тел : [роман] / Лора Мэйлин Уолтер ; [перевод с английского Д. Ключаревой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-155692-1

Селесте Мортон очень хочется повзрослеть. Как и все девочки, она родилась со множеством родинок, веснушек и родимых пятен, способных определить будущее: ее и близких ей людей, — а с наступлением зрелости появятся новые предсказания и укрепят пророчество. Но вместе с ожиданием приходит и страх — в период «превращения» девочки становятся неотразимы для мужчин.

Брат Селесты, Майлс, — талантливый чтец будущего, что несвойственно мужчинам, — собирается тренироваться на сестре, чтобы прочитать свою судьбу.

Когда Селеста меняется, раскрывается секрет, способный разрушить Майлса, разрушить семью, разрушить все...

На что они пойдут, чтобы создать по-настоящему свое будущее?

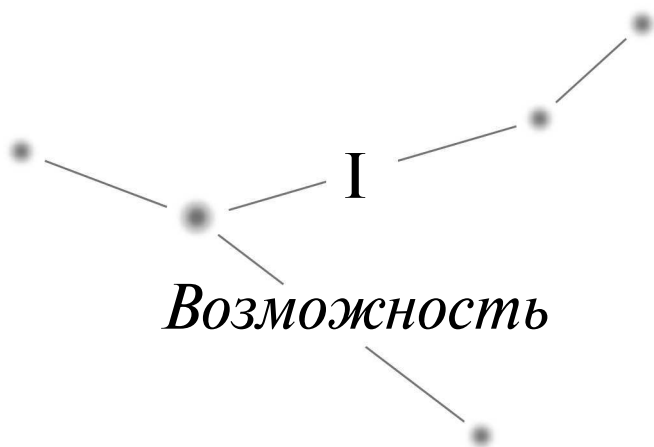
УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Ключарева Д., перевод на русский язык,
2021

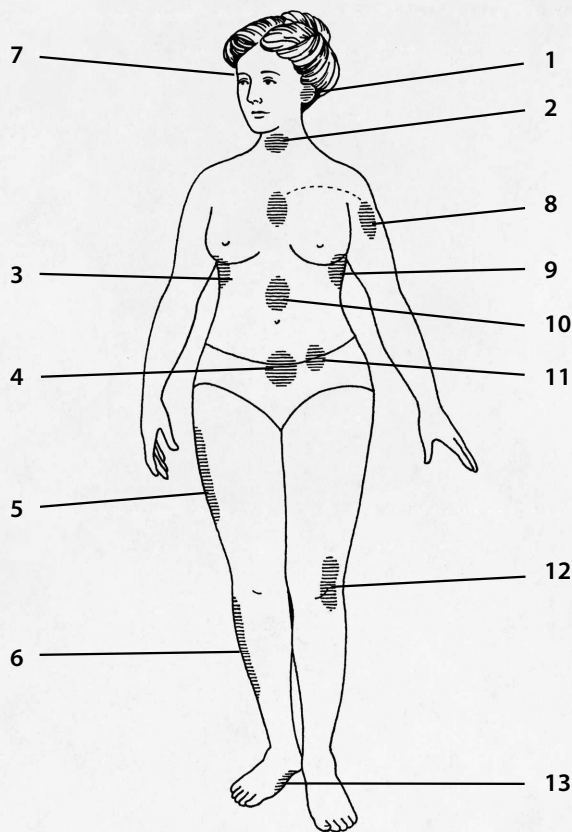
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-155692-1

Посвящается Худе и Дженнифер

Картография будущего: справочник по толкованию девочек и женщин

Стандартное расположение меток, вид спереди

1. Умственные способности	8. Романтические увлечения
2. Личные качества	9. События и перемены
3. Дружеские отношения	10. Эмпатия
4. Близкие родственные связи	11. Интуиция
5. Дальние родственные связи	12. Субординация и труд
6. Здоровье и спорт	13. Индивидуальные черты
7. Успеваемость	

1

С того самого дня, как я родилась, мой брат Майлс читал меня словно карту, водил пальцами по созвездиям веснушек и родинок на моем теле, стремясь узнать мое будущее и, вероятно, свое. В те ранние годы мое тело принадлежало ему в той же мере, что и мне. Делить с ним тело означало не возражать, когда он задирает мне майку или свитер, чтобы отыскать на коже указания на то, что должно произойти. Я не возмущалась, поскольку верила, что мы были единым целым, что предсказания, размеченные на моем теле, были и частью его. Мы вместе осваивали ремесло, требовавшее постоянной практики. Он подлавливал меня за завтраком или в коридоре на втором этаже и спрашивал, можно ли еще раз кое-что проверить — словно мои отметины могли как-то перемениться, чего, как нам обоим было известно, в природе не случается. По крайней мере, пока что не случилось.

Когда я стала старше и видеть меня без одежды Майлсу больше не полагалось, он принялся изучать мои руки, пристально вглядываясь в созвездие родинок над левым локтем. «Везет тебе, — говорил он. — Ты знаешь, что тебя ждет».

Так и было. Как у всех девочек, на коже у меня был размечен весь мой жизненный план. Во время совместных ночевки мы с подружками раздевались до нижнего белья и читали по телам друг друга, что ждет нас в будущем. Мы долго всматривались в отметины на поясницах — в этом

месте родинки рассказывали о любви и романтических увлечениях. «Тебя ждет несколько влюбленностей», — говорила Мари Кассандре, и Кассандра, изучив спину Мари, с удивлением говорила в ответ: «Ты будешь жить с женщиной» — хотя смысла этих слов ни одна из нас в том возрасте еще не понимала. Мы знали лишь то, что перипетии наших жизней были рассыпаны по нашей коже с самого начала, и так же было и с нашими матерями, и с нашими сестрами, тогда как наши братья и отцы жили в неведении.

Майлс годами изучал каждый дюйм моего тела и документировал все мои отметины у себя в тетради. Это была толстая тетрадь с голубой обложкой и нелинованными страницами. Иногда я тайком пробиралась к нему в комнату и листала ее, разглядывая маленькие чернильные точки, так сильно вдавленные ручкой в страницы, что из-за скопления бугорков на их обратных сторонах тетрадь походила на книгу для слепых. Мне было почти шестнадцать, и детским отметинам, описанным братом, вскоре предстояло устареть — до появления у меня взрослых отметин оставалось уже недолго. И я знала, что он сразу же захочет исследовать обновленную карту моего тела.

Лето и ранняя осень того года, предварявшие мой шестнадцатый день рождения, были эпохой неопределенности, риска и новизны. Все девочки вокруг меня вступали в переходный возраст, и спустя совсем немного времени я к ним присоединилась. Бедра стали шире, я подросла и набрала вес. Я понимала, что эти перемены затрагивали не только мое физическое тело. Вскоре все должно было измениться — мои предсказания, мои ожидания, мое будущее. Вся моя жизнь.

Домашний экземпляр книги «Картография будущего: справочник по толкованию девочек и женщин», старинного издания в кожаном переплете, передававшегося в нашей семье от поколения к поколению, лежал на камине в гостиной, но Майлс частенько утаскивал его к себе. Увлечение брата толкованием я считала одной из его странностей, чем-то наравне с его отвращением к шоколаду и тем фактом,

что он левша. Толкование считалось женским делом, и то, что Майлс часами просиживал над книгой, изучая комбинации отметин и предсказания, казалось довольно вздорным занятием. Его любовь к толкованию была одержимостью, дикостью, страстью, которую он не контролировал. Наблюдать за тем, как Майлс развивает в себе ремесло, которым вообще-то не должен владеть, — которое не должен любить, начнем с этого, — само по себе было ценным уроком.

Как же много времени мы проводили в те дни вместе! В августе жара загнала нас в подвал — темное пространство с земляным полом и балками, затянутыми паутиной. Мы пробрались мимо уставленных друг на друга коробок в укромный уголок прямо под кухней, откуда сверху до нас долетали бестелесные обрывки материнского голоса. В детстве мы прятались там, чтобы подслушивать родителей, но в тот раз нас привели туда духота и скука. Мы сидели на полу, прислонившись спинами к бетонным стенам, позволяя их прохладе просачиваться сквозь нашу кожу. Годы спустя я буду вспоминать тот день как поворотный момент, после которого наши отношения ухудшились и между нами пролегла бездна. Но в тот момент нам просто хотелось хоть чем-нибудь себя занять.

— Давай сыграем в «Знаешь ли ты», — предложила я. Эта игра была нашим собственным изобретением — мы придумали ее давным-давно, в какой-то из летних дней вроде сегодняшнего, но не играли в нее уже лет сто.

Майлс поискал в кармане монетку.

— Выбирай, — велел он, и монетка закрутилась в тусклом свете подвала. Орел или решка. Я выбрала орла, но, когда он прихлопнул монетку к руке и отнял ладонь, там оказалась решка. По его лицу скользнула хитрая ухмылка. Брату было почти восемнадцать, но он по-прежнему умел принимать по-детски озорной вид, как двенадцатилетний мальчишка, добившийся своего.

— Дамы вперед, — сказал он.

Загадывать первой было невыгодно, но меня это не смущало. Я повернулась и написала отгадку на земле позади себя, где ему ее было не видно.

— Знаешь ли ты, — начала я, — что, возможно, физкультура у старших классов скоро будет проходить совместно, как в младших классах?

Он удивился:

— Сомневаюсь, Селеста.

— Вот послушай. Мама Кассандры состоит в школьном попечительском совете, и вчера у них было собрание. — Ложь в этой игре выходила более убедительной, если подмешать в нее немного правды. Я принялась объяснять ему, что один из попечителей выступил за смешанное обучение, потому что это помогло бы девочкам и мальчикам воспринимать друг друга как ровню. Кроме того, объединив классы, можно было бы сэкономить деньги.

Пока я все это рассказывала, брат смотрел на меня с кривоватой ухмылкой, сигнализирувавшей, что я его не убедила.

— Будь это правдой, — сказал он, — ты бы гораздо раньше мне рассказала.

— Приберечь информацию для игры — хорошая стратегия. Ты сам меня этому научил. — Меня захлестнуло уверенностью, пониманием, что я могу врать сколько влезет, если это поможет мне выиграть. — К тому же ничего еще не решено. Это же просто идея, которую кто-то предложил на собрании.

Майлс покатал монетку в ладонях. Я видела, что в голове у него проносятся мысли о возможных последствиях совместной физкультуры — что девочки, которые только что обзавелись взрослыми отметинами и потому пребывающие на пике привлекательности, будут вынуждены близко контактировать с парнями из школы. Но поскольку именно в этом и крылся весь сок моей истории, он же и подвел меня к провалу.

— Ложь, — наконец произнес Майлс. — Родителей возмутила бы идея подпустить их дочерей-превращенок во время физкультуры так близко к парням.

Не успела я сделать еще одну попытку его переубедить, как Майлс прополз мимо меня и посмотрел на отгадку, написанную на земле. «*Ложь*», — было накарябано там округлыми буквами.

— Так я и думал, — сказал Майлс. — Но попытка была хорошая, Селеста. Ты меня почти уделала.

Я подождала, пока он сотрет мою отгадку и напишет на ее месте свою собственную. Закончив, он, весь заляпанный пылью, уселся передо мной со скрещенными ногами.

— Знаешь ли ты, — сказал он, — что, после того как ты родилась, мама с папой пытались завести еще одного ребенка?

Я старательно сохраняла безразличный вид.

— Я знаю, о чем ты думаешь — что это невозможно, так как мамины отметины показали, что у нее будет только двое детей. — Майлс заговорил тише. — Но вот в чем дело. Они решили, что отметины могут о чем-то умалчивать либо недоговаривать. И что, возможно, имелось в виду, что детей будет *минимум* двое. Сама знаешь, как бывает. Некоторое время они даже думали, что мама беременна. У нее живот стал заметен, и все такое. — Он изобразил дугу над своим плоским прессом.

Я пристально наблюдала за ним, пытаясь понять, с какой стати он загадывает настолько очевидную ложь — он что, меня испытывает?

— Тебе тогда было года три, — продолжал он, — а мне пять. Я помню это, но смутно. Они были счастливы. Мне все вспоминается, как они радовались, что появится третий малыш. Нас с тобой им было недостаточно.

Лицо у меня дрогнуло, но я сохранила выдержку. Я старалась не подавать виду, что начинаю верить в его историю.

— Но случиться этому было не суждено, — продолжал Майлс. — Довольно долго я думал, что все это мне приснилось. Сама мысль о том, что мама с папой решили, что смогут завести еще одного ребенка, казалась дикой. А потом я стал задаваться вопросом, что стало с беременностью. Случился выкидыш? Или это была одна из тех несуществующих беременностей? Кажется, такое называется ложной беременностью.

— Фантомная беременность, — сказала я. — Это редкость.